

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ
В ПОМЕЩИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ
ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 20—50-х ГОДАХ XIX ВЕКА

З. К. ЯНЕЛЬ

Развитие производительных сил в помещичьем хозяйстве Лифляндской губернии в 20—50-х годах XIX в. непосредственно связано с становлением капиталистических отношений в сельском хозяйстве губернии.

Несмотря на внимание, уделяемое советской историографией проблемам смены феодальных производственных отношений капиталистическими производственными отношениями, по многим важным вопросам генезиса капитализма в сельском хозяйстве России, историки еще

не пришли к единому решению, а отдельные районы остаются в этом плане мало изученными. К числу таких районов следует отнести Прибалтику, в частности Лифляндскую губернию, где мы наблюдаем одно из наиболее ранних в России проявлений аграрного капитализма.

В советской историографии опыты анализа социально-экономической стороны развития капитализма в Лифляндии 20—50-х годов сделаны в работах Г. Строда и М. Козина. Вопросы развития отдельных элементов производительных сил в сельском хозяйстве Латвии являются темой четырех работ Г. Строда. Две его статьи посвящены истории механизации полевых работ: одна — конструированию и распространению жнеек, вторая — внедрению молотильных машин¹. В двух других работах Г. Строд стремится выявить основные этапы распространения культуры картофеля и причины превращения в 20—40-х годах картофеля из огородной культуры в полевую², а также публикует некоторые предварительные выводы о характере перехода от трехпольной к многопольной системе земледелия, о создании материальных предпосылок для развития плодосмена³.

Статья М. Козина «Развитие производительных сил в сельском хозяйстве Лифляндской и Курляндской губерний в 20—50 гг. XIX века»⁴ ставит целью рассмотреть развитие производительных сил и показать существо «конфликта между производительными силами и феодальными производственными отношениями в сельском хозяйстве Лифляндской и Курляндской губерний». Однако такая широкая постановка проблемы в рамках небольшой журнальной статьи при малой изученности и обобщенности фактического материала не дала автору возможности полно и убедительно обрисовать ни развитие производительных сил, ни конкретные проявления конфликта между производительными силами и производственными отношениями.

Близка к нашей теме и статья эстонского историка Л. Лооне «Развитие производительных сил в сельском хозяйстве Эстонии в первую половину XIX века»⁵, которая включает в себя частично лифляндский материал. Хотя во всех упомянутых исследованиях затронуты вопросы развития производительных сил помещичьего хозяйства Лифляндии, но специальных работ по этой теме нет.

Между тем, после отмены крепостного права 26 марта 1819 г. аграрный строй Лифляндской губернии формировался путем постепенного превращения феодальных латифундий в хозяйства юнкерского типа. Поэтому изучение характера внутренних преобразований в поместьях лучше всего может объяснить, как конкретно складывался новый капиталистический строй в Лифляндии. Нас будет интересовать та сторона этих преобразований, которая относится к развитию производительных сил.

* * *

Первые признаки социально-экономической эволюции лифляндской деревни, превратившей к 70-м годам XIX в. ее феодальный строй в капиталистический, а саму Лифляндию наряду с другими губерниями западной окраины России — в наиболее развитый центр «земледельческого капитализма в России»⁶, явственно обозначились уже вскоре после отмены крепостного права в Лифляндии.

¹ «Изв. АН Латв. ССР», 1955, № 3; «Vēstures problemas», II, Rīgā, 1958.

² «Изв. АН Латв. ССР», 1958, № 10.

³ H. Strods. Zemkopības sistēmu attīstība Latvijā, Rīgā, 1957. На русском языке с основными положениями книги можно познакомиться по материалам первого симпозиума по аграрной истории Восточной Европы («Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», Таллин, 1959).

⁴ «Изв. АН Латв. ССР», 1957, № 4, стр. 5—19.

⁵ «Исторические записки», т. 60, стр. 215—247.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 185.

Пореформенная аграрная история Лифляндии, существенно отличающаяся от дореформенной, многими своими чертами была связана с дореформенным периодом. Прежде всего это относится к сохранению политического и экономического всевластия дворянства. Реформа 1819 г., отменив крепостное право, не только не затронула, но в известном отношении расширила привилегии дворянства. Его экономические привилегии составили экономическую основу капиталистической эволюции Лифляндской губернии по прусскому пути. Исходной точкой этой эволюции стало внутреннее преобразование дворянских поместий, суть которого состоит в том, что в поместье постепенно заменяются «отработки «вольнорабочим трудом», трехполье — интенсивной культурой и крестьянский староредедовский инвентарь усовершенствованными орудиями владельческой экономии»⁷.

Рассмотрим комплекс вопросов, связанных с изменениями в сельскохозяйственной технике поместий.

Основным типом дореформенного поместья было поместье, ведущее экстенсивно-зерновое хозяйство, рассчитанное на рынок. В первой половине 20-х годов существенных изменений в хозяйственной жизни дворянских мыз еще не произошло, но уже со второй половины 20-х годов появились мызы, хозяйственные нововведения которых стали симптомом грядущих всеобщих экономических изменений.

Непосредственным толчком к появлению нового направления в сельском хозяйстве послужил ряд сдвигов в экономической жизни тех районов России и Европы, с которыми Лифляндия была связана торговлей. Расширение сельскохозяйственного производства в большинстве стран Западной Европы, в результате реорганизации его на капиталистических началах, было ударом по такой ведущей отрасли помещичьего хозяйства, как производство хлеба на продажу. Некоторые страны стали стеснять привоз хлеба переменными ввозными пошлинами, фактически допуская его лишь в неурожайные годы. В 1824—1830 гг. хлебные цены упали значительно ниже средних норм и вывоз хлеба из Прибалтики сократился до минимума. Одновременно значительно пострадала другая важная ветвь помещичьего хозяйства — винокурение. Развитие производства вина в ряде губерний России сильно снизило цены на вино, а продукция русских винокуренных заводов основательно потеснила лифляндское вино с внутренних рынков страны.

Сокращение рынка сбыта хлеба и вина, пошатнув благосостояние лифляндского дворянства, заставило его искать пути повышения упавшей доходности имений. Старое экстенсивно-зерновое направление для этого не годилось, кроме зерна и водки, оно ничего не могло дать для рынка в сколько-нибудь значительных количествах. Надо было развивать какие-то новые отрасли хозяйства.

Рост промышленности, потребляющей шерсть, как за границей, так и в России, увеличил спрос и цены на мериносовую шерсть. Опыт прусских, силезских, саксонских помещиков позволял надеяться, что мериносовое овцеводство может стать и в Восточной Прибалтике доходной статьей хозяйства. Шерсть должна была занять место обесцененного теперь хлеба.

В 1824 г. барон Унгерн-Штернберг, владелец Даге-Гроссенгоф, вывез из Германии небольшое стадо мериносов, став одним из начинателей совершенно новой в Прибалтийских губерниях ветви помещичьего хозяйства — тонкорунного овцеводства. В 1825 г. остзейское дворянство учредило три овцеводческих общества: одно в Эстляндской губернии и два в Лифляндской. Ими были закуплены в Германии стада мериносов и оттуда же привезены опытные овчары. Получив от правительства большую ссуду, а также два казенных имения в аренду, лифляндские овцеводческие общества учреждают коренные овчарни.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 218.

Приобретшая широкую известность даже за пределами Лифляндской губернии Трикатенская овчарня была задумана и действительно стала школой тонкорунного овцеводства и новых агрономических приемов ведения хозяйства. Кроме того, она превратилась в поставщика чистокровных мериносов для улучшения помещичьих стад. Менее широко, чем Трикатенская, была известна дворянская овчарня в Липскальне, уступавшая ей и по размеру стада.

Но вернемся к частным овчарням. В то время, когда Унгерн-Штернберг завел свое стадо, в Лифляндии не было ни одной мериносовой овчарни. В 1826 г. в губернии имелось уже 20 овчарен и 8862 мериноса. «Овцеводческая горячка» охватила лифляндское дворянство. В 1832 г. овцы разводились на 32 мызах. Средняя величина стада была 400—500 голов. Только на двух мызах (Менцен и Револьд) размеры стада превышали 1000 голов. С 1832 г. по 1841 г. число овчарен в губернии возросло с 32 до 130, количество мериносов — с 15 308 до 100 000 голов, а настриг шерсти в 1841 г. достиг рекордной цифры — 6028 пудов. Появление новых овчарен сопровождалось укрупнением отдельных уже существовавших стад. В 1841 г. 17 крупнейших овчарен, составлявших приблизительно 13% от общего числа овчарен, концентрировали 29% всего мериносового поголовья⁸.

1841 г. — год наивысшего подъема тонкорунного овцеводства в Лифляндии. Со следующего года начинается спад. Многие помещики, имевшие овчарни, вынуждены были ликвидировать их либо целиком, либо частично, сократив поголовье овец в них. За пять лет, с 1841 по 1846 г., количество овчарен сократилось вдвое (до 66), число овец почти вдвое (до 54 545 голов), а настриг шерсти упал в 1846 г. до 2318 пудов.

С 1847 г. и до конца интересующего нас периода положение в общем стабилизируется на уровне несколько более низком, чем в 1846 г. Однако тенденция к спаду не исчезает. Во второй половине XIX в. мериносовое овцеводство становится уже второстепенной, а потом и третьестепенной отраслью развивающегося животноводства, уступив пальму первенства молочному скотоводству.

Ниже мы приводим таблицу о состоянии тонкорунного овцеводства в Лифляндии с 1826 по 1860 г.⁹.

Год	Количество овчарен	Количество овец в них	Год	Количество овчарен	Количество овец в них
1826	20	8 862	1849	—	50 029
1832	32	15 308	1850	58	53 634
1833	41	22 043	1851	59	50 606
1835	57	34 205	1852	—	52 881
1836	69	40 104	1853	—	49 268
1839	120	70 000	1854	—	50 026
1840	106	91 000	1855	—	47 373
1841	130	100 000	1856	—	44 816
1844	75	57 995	1857	—	47 285
1845	68	74 391	1858	—	49 389
1846	66	54 545	1859	—	47 869
1847	62	48 099	1860	56	49 674
1848	59	51 967			

⁸ В 1841 г. наиболее известны овцеводческие хозяйства на мызах: Альт-Кустгоф — 1200 голов, Анцен — 2000, Ашераден — 1500, Вальгута — 1500, Зиггунд — 1800, Кокенгаузен — 2000, Линденгоф — 1200, Нейгаузен — 2500, Реоль — 2400, Ранден — 1800, Раппин — 1500, Рогозинская — 1000, Сосвеген — 1500, Смилтен — 3000, Тестама — 1000, Трикатен — 1500, Эйзекюль — 1500, всего — 28 900 голов. «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. VII, ч. 2. Лифляндская губерния, сост. полковником Генерального штаба Минквицем, СПб., 1853, стр. 388.

⁹ «Der Liv- und Esthländische Schafzüchterverein». «Inland», 1839, № 7, S. 98—99; ЦГИАЛ, ф. 1281, Совет министра внутренних дел, оп. 4, 1842, д. 101, лл. 9, 23; 1845,

Несмотря на недолгое процветание, тонкорунное овцеводство оставило глубокий след в аграрном развитии Лифляндии. Без преувеличения можно сказать, что тонкорунное овцеводство заняло особое место в системе помещичьего хозяйства, и прежде всего по социально-экономическим последствиям своего развития. Это первая крупная отрасль феодального хозяйства, которая возникла и существовала как отрасль, целиком выросшая из потребностей промышленного развития и целиком рассчитанная на удовлетворение его нужд. С нее начался и в ней воплотился начальный этап процесса преобразования феодальных поместий в юнкерские. В этом ее отличие от прежних отраслей помещичьего хозяйства, любая из которых, возникнув на феодальной основе, способствовала воспроизводству отношений, породивших ее, т. е. феодальных.

Мериносовое овцеводство было фактором, вызвавшим технический прогресс земледелия. Для него, как и для других отраслей скотоводства, решающее значение имела кормовая база. Разведение мериносов в климатических условиях Прибалтики, даже в тех немногих районах, где имелись сухие выгоны, было невозможно исключительно на естественных лугах и пастбищах. Господствовавшее экстенсивно-зерновое направление, опиравшееся на трехпольную систему ведения хозяйства, не могло обеспечить стада ни летними пастбищами, ни зимними кормами, так как давало лишь непригодную в качестве корма солому. Поэтому часть помещиков начала постепенно реформировать свое хозяйство на новых основаниях. Прогрессивность многопольной системы по сравнению с трехпольной для лифляндских помещиков теоретически была очевидна еще в XVIII в. Однако лишь устройство мериносовых овчарен сделало практически необходимым отказ от трехполя.

В разных имениях этот процесс происходил по-разному. Только на немногих мызах он протекал путем коренной ломки трехполя.

Радикальная быстрая перестройка всего хозяйства, будучи сопряжена с большими расходами, возможна была лишь в наиболее крупных и богатых поместьях. Обычно этот переход оказывался долгим и малопоследовательным. Первой ступенью к многополью был, как правило, засев парового клена кормовыми культурами, при сохранении деления на три поля. Потребности растущих мериносовых овчарен заставляли постепенно вводить новые севообороты, сначала четырехпольные, а потом многопольные. Из-за постепенности, с которой происходил этот процесс, переходные формы земледелия в 30—50-х годах получили широкое распространение. Отсутствие точных сведений не дает возможности охарактеризовать в цифрах фазы, которые прошел процесс перехода поместий от экстенсивного хозяйства к интенсивному¹⁰. Ясно только, что за 50-е годы многопольная система земледелия сделала большие успехи, став достоянием не только подавляющей части поместий, но и распространившись на крестьянские земли.

Известным показателем ее распространенности может служить выращивание корнеплодов и кормовых трав. Для лифляндского многополья наиболее типичны посевы картофеля и клевера.

д. 40, лл. 40—41; 1846, д. 50, л. 43; 1847, д. 45, л. 50; 1848, д. 36, л. 55; 1849, д. 47, л. 100; оп 5, 1850, д. 42, л. 196; 1851, д. 36, л. 125; 1852, д. 44, л. 123; 1853, д. 49, л. 194; ЦГА Латв. ССР, ф. 1, Канцелярия прибалтийского генерал-губернатора, оп. 4, 1847, д. 317, л. 197; 1854, д. 322, л. 136; 1855, д. 323, л. 51; 1856, д. 324, л. 98; 1857, д. 325, лл. 19, 198; 1858, д. 326, л. 112; 1859, д. 327, л. 95; 1860, д. 328, л. 99; 1861—1862, д. 329, л. 140; «Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft», N. F., 1861, Bd. 14, N. 3, S. 194—196.

¹⁰ По мнению некоторых авторитетов, в начале 40-х годов около $\frac{1}{2}$ поместий начали в той или иной форме переход к интенсивному хозяйству, а к началу 50-х годов количество таких поместий составляло уже $\frac{2}{3}$. A. H. C. k. Darstellung der landwirtschaftlichen Verhältnisse in Esth-, Liv- und Curland, Leipzig, 1945, S. 148; «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. VII, ч. 2, СПб., 1853, стр. 356.

С картофелем в Прибалтике впервые познакомились в середине XVII столетия, но сначала его культивировали в очень небольших количествах, и он представлял собой чуть ли не ботаническую редкость.

Разведение картофеля на мызных полях приняло массовый характер приблизительно с 20-х годов XIX в.¹¹ С начала 40-х годов он выращивается уже не только в помещичьих, но и в большинстве крестьянских хозяйств¹². В 1846 г. в Остзейских губерниях появилась занесенная из Западной Европы болезнь картофеля. Периодически повторяясь (в 1849, 1850, 1851, 1856, 1857 гг.), она приостановила распространение картофеля. Как показывает анализ статистических приложений к губернаторским отчетам, расширение посевов картофеля в 40—50-е годы XIX в. происходило за счет крестьянских полей, а на мызных полях его посеvy сокращались. Хотя крестьянство Лифляндской губернии в эти годы высевало картофеля больше, чем помещики, однако приблизительно до середины 50-х годов только у помещиков выращивание картофеля преследовало производительные цели, у крестьян оно предназначалось для личного потребления. 28 954 крестьянские усадьбы частных имений в среднем ежегодно в 40-е годы высевали 79 551 четверть картофеля, а 736 дворянских мыз — 65 230 четвертей, значит на каждую мызу приходилось 88 четвертей, на каждый же крестьянский двор — 2,7 четверти картофеля¹³.

Таким образом, возделывание картофеля в это время имело совершенно различное значение в экономике дворянских и крестьянских хозяйств. В помещичьих хозяйствах, будучи вызвано потребностями мериносового овцеводства, а потом и картофельного винокурения, оно выражало прогресс товарности поместий; в крестьянских хозяйствах, вызванное обострением нужды, ухудшением положения крестьянства в целом, оно, при неразвитости капиталистических отношений, выражало лишь прогресс экспроприации крестьянства. Поэтому и техника возделывания картофеля у помещиков и у крестьян была различна.

В господском хозяйстве посеvy картофеля должны были производиться в количествах, достаточных для удовлетворения нужд товарного хозяйства. Между тем, при трехпольном делении полей картофель не мог «найти себе место» в поле. Вследствие этого расширение посевов картофеля стало возможно лишь с распространением многополья, при котором он включался в севооборот. В крестьянском хозяйстве картофель, служа «пособием продовольствию» и не имея товарного значения, в достаточном количестве получался при трехполье с возделыванием его на небольших участках яровых или паровых полей.

Различное экономическое значение возделывания картофеля у крестьян и у помещиков (до середины 50-х годов во всяком случае), на наш взгляд определяет различное место выращивания этой культуры в развитии производительных сил помещичьего и крестьянского хозяйства. При многополье картофель, улучшая состояние полей, способствовал повышению урожайности зерновых культур, неся в себе тем самым элемент агротехнического прогресса. При трехполье посадки

¹¹ А. Нуск. Darstellung..., S. 209.

¹² ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, 1845, д. 40, л. 41; ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 4, 1846, д. 316, л. 43; 1853, д. 321, л. 84.

¹³ Сведения о количестве крестьянских усадеб взяты из сборника под ред. Е. И. Ламанского и относятся к 1849 г. (см. П. А. Валуев. Несколько статистических данных по Лифляндской губернии. «Сборник статистических сведений о России», кн. II, отд. II, СПб., 1854, стр. 41). Сведения о количестве поместий взяты из земского списка 1832 г. Средние показатели о посевах картофеля получены на основании данных статистических приложений к губернаторским отчетам (ЦГИА ЭССР, ф. 291, Канцелярия Лифляндского, Эстляндского и Курляндского генерал-губернатора; ЦГИАЛ, ф. 1281; ЦГА Латв. ССР, ф. 1). Применение подобных средних цифр является для 40-х годов условно допустимым, имея в виду, что происходивший процесс разложения крестьянства был еще слабо выражен.

картофеля, не имевшего своего места в севообороте, зачастую производились из года в год на одном и том же месте, что вело к истощению почвы.

Первые попытки разведения клевера в Лифляндии относятся к 60-м годам XVIII в. В начале XIX в. выращивание клевера зачастую приводило к неудачам, которые были следствием не только недостатка опыта, но и векового господства трехполья. В тех местах, где почва была истощена постоянным возделыванием зерновых, клевер давал скудные урожаи. Поэтому распространение посевов клевера теснейшим образом связано с правильными многопольными севооборотами. Меринское овцеводство сыграло решающую роль в включении клевера в севообороты. Клевер, при почти всеобщей в губернии нехватке и плохом качестве лугов и сенокосов, был наиболее перспективным кормом.

Посевы клевера на господских полях с конца 20-х годов стали производиться повсеместно¹⁴. В 40-е годы клеверное поле — обязательная принадлежность почти всех дворянских поместий¹⁵. Посевы клевера, несмотря на их распространенность, как правило, занимали относительно небольшую площадь — $\frac{2}{9}$ или $\frac{2}{11}$ части полей¹⁶. Клевер до 50-х годов — культура господских полей, в крестьянских усадьбах возделывание клевера редчайший случай¹⁷, так как у крестьян не было стимулов (рациональное животноводство) и материальных средств для его разведения.

После красного клевера наибольшее распространение получил, пожалуй, турнепс, уже в 50-е годы занявший прочное место в севообороте ряда имений¹⁸. В некоторых имениях выращивался желтый и синий люпин¹⁹. Удачно проходили опыты акклиматизации гребника, белого шведского клевера, китайской люцерны му-стой и других растений. Наряду с новыми культурами изыскивались и вводились новые сорта старых, уже повсеместно распространенных культур, вроде ячменя, ржи, пшеницы, картофеля.

Но не только многополье с посевами картофеля, клевера, турнепса выражало агротехнический прогресс дворянских мыз. Растущее товарное животноводство (с 40-х годов появились первые стада породистого молочного скота) неизбежно должно было в силу своего товарного характера изыскивать новые способы роста производства, втягивать в сельскохозяйственный оборот земли до того или совсем не использовавшиеся, или использовавшиеся частично и создавать на этих землях хозяйственную систему по своему образу и подобию. Этот процесс расширения границ старых хозяйственных единиц, а вместе с тем границ технического прогресса в Лифляндии, пожалуй, наиболее ярко проявился в возделывании болот, а также в искусственном осушении и орошении лугов.

Начавшиеся в 30-х годах мелиорационные работы были связаны в большинстве случаев с улучшением лугов. Неудовлетворительное состояние лугов находилось в противоречии с теми изменениями, которые произошли в других областях мызного хозяйства. Приглашение в

¹⁴ «Выписки из донесения состоящего при Министерстве финансов агронома фон Штейгера относительно нынешнего состояния сельского хозяйства в Остзейских провинциях», «Земледельческая газета», 1834, № 23.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, 1844, д. 50, л. 70.

¹⁶ Там же, 1848, д. 47, л. 53.

¹⁷ ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 4, 1847, д. 317, л. 143; ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, 1848, д. 47, л. 52.

¹⁸ «Описание выставки сельских произведений в Дерпте в 1857 г.». «Журнал Министерства государственных имуществ» (ЖМГИ), 1858, июль — август, ч. 67, отд. I, стр. 105; «Generalbericht über die Thätigkeit der Kaiserlichen Livländischen gemeinnützigen und öconomischen Societät in den Jahren 1853—1861». «Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft», N. F., 1861, Bd. 14, H. 4, S. 8; C. Hehn. Die Ausstellung landwirtschaftlicher und gewerblicher Producte in Dorpat, vom 1—7. September 1860, «Livl. Jahrb. d. Landwirtschaft», N. F., 1861, Bd. 14, H. 2, S. 20.

¹⁹ C. Hehn. Die Ausstellung..., S. 20.

1837 г. Лифляндским экономическим обществом «лугового мастера» Хеннинга заинтересовало многих владельцев имений. В том же году в общество поступило не менее 30 заявок на проведение работ по осушению лугов²⁰. Потребность в мелиораторах была так велика, что экономическое общество в 1842 г. организовало в Трикатене школу луководства, просуществовавшую 4 года. За это время было подготовлено 26 специалистов и проведен ряд работ по осушению и орошению лугов²¹.

В 1853 г. впервые в Лифляндии при осушении болот был применен дренаж. В имениях Каверсгоф и Кораст очень удачно осушили новым способом несколько десятин сырой земли²². Дренаж очень скоро получил всеобщее признание. «Заведения для приготовления дренажных труб» в 1858 г. имелись в 12 поместьях²³. За 1855—1856 гг. дренажем было осушено около 165 десятин земли, а за 1858 г.—около 515 десятин²⁴. Осушение одной десятины стоило в среднем 60 руб. Однако владельцы поместий шли на такие большие издержки, по опыту зная, что они сторицей окупаются в первые же годы. С десятины искусственных лугов сена получалось в 2—3 раза больше, чем с обыкновенных, при этом гораздо лучшего качества. Поля, возделанные на бывших болотах, тоже давали превосходный урожай. В 50-х годах на осушенных землях распространилась культура полей, употребленная впервые в имении Кайпен²⁵.

Искусственное орошение в силу климатических особенностей губернии не было так важно для сельского хозяйства, как мелиорация. Тем не менее в отдельных местах Рижского, Венденского и Дерптского уездов оно было и распространено и прибыльно, а в целом по Остзейским губерниям искусственное орошение было введено «в таком обширном размере и на таких прочных началах», как нигде в России²⁶.

Как мелиорация, так и орошение происходили в поместьях, где новая система ведения хозяйства пустила глубокие корни, поэтому сельскохозяйственная колонизация является важным критерием распространения новых форм хозяйства на старых землях.

Мы начали с того, что внедрение меринового овцеводства вызвало цепную реакцию, изменившую весь строй социально-экономических отношений внутри поместья, и частично проследили изменения в системе земледелия. Этот процесс в последовательной форме наиболее характерен для крупных поместий. В мелких и средних поместьях развитие земледелия не поспевало за овцеводством. Рост стад, необыкновенно бурный в конце 30-х годов, опережал внедрение новых приемов в земледелии. Дворянство в погоне за доходами не успевало, а зачастую и не было в состоянии обеспечить правильную постановку овцеводческого хозяйства. Это противоречие создало в 1841 г. «овцеводческий кризис».

Непосредственным толчком была чрезвычайно плохая для всего сельского хозяйства погода в 1841—1845 гг. Особый урон понесло жи-

²⁰ ЦГИА Эст, ССР, ф. 1185, Лифляндское общепольное экономическое общество, оп. 1, 1837, д. 81.

²¹ Ф. Веймарн. Материалы для географии и статистики России, т. XIX, Лифляндская губерния, СПб., 1864, стр. 382.

²² ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 4, 1854, д. 322, л. 29.

²³ Ф. Веймарн. Материалы..., стр. 364; ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 4, 1855, д. 323, л. 88.

²⁴ ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 4, 1857, д. 325, л. 19; 1859, д. 327, лл. 18—19.

²⁵ «Там осушенные места засевают три года сряду хлебом: рожью, ячменем и овсом, и по засеве под третий хлеб клевером с тимофеевой травой, оставляются под луг на семь или восемь лет, пока укосы не начнут значительно уменьшаться. Тогда вновь сеют хлеб». Ф. Веймарн. Материалы..., стр. 381—382.

²⁶ «Обзор действий Департамента Сельского хозяйства в течение пяти лет, с 1844 по 1849 год». ЖМГИ, 1849, № 5, стр. 86.

вотноводство после дождливого лета 1844 г., когда недостаток кормов и болезни вызвали небывалый падеж скота, убытки от которого оценивались в 2 млн. руб. серебром²⁷. Однако, как заметили уже современники, погода не имела одинаковых последствий для всех овчарен. Влияние ее в полной мере испытали на себе те фермы, на которых сохранилась старая система земледелия. Особенно ясно это становится при сравнении «роковых» 1841—1845 гг. с неблагоприятными в метеорологическом отношении 1832—1834 гг., не оказавшими, тем не менее, такого пагубного воздействия на лифляндское овцеводство. Если почти все пионеры овцеводства известны как сторонники новых методов ведения хозяйства, применявшие их на практике, то за годы «овцеводческой горячки» состав овцеводов сильно изменился. Появилось множество мелких и средних стад, владельцы которых частично или полностью сохраняли трехпольную систему. Неустойчивость их ферм выявилась при первых же трудностях.

Среди множества мелких овчарен выделялись крупные овчарни, существовавшие с успехом целые десятилетия, вопреки всем превратностям погоды. Сопоставим имеющиеся у нас данные о поголовье овец на этих мызах²⁸.

Название мызы	Годы					
	1832	1841	1857	1858	1860	1884
Анцен	—	2000	—	2000	2000	—
Ашераден	—	1500	—	—	1000	560
Альсвих	—	—	2100	2220	2222	—
Вальгута	—	1500	—	—	1200	850
Зиггунд	250	1800	—	—	960	—
Кокенгаузен	—	2000	1300	—	700	—
Линденгоф	300	1200	—	—	941	—
Леттин	786	—	—	—	700	—
Менцен	1021	—	—	—	1100	—
Максгоф	—	—	1600	1600	2000	900
Нейгаузен	800	2500	—	—	740	—
Раппин	—	1500	1800	1780	1500	—
Рамкау	280	—	—	—	2000	785
Сосвеген	—	1500	1420	—	1500	1500
Смилтен	500	3000	2960	3100	2200	800
Тестама	—	1000	1846	2035	2330	—
Трикатен	711	1500	1200	—	1400	1000
Фридрихсгоф	790	—	—	—	805	—
Эйзекюль	—	1500	2300	2486	2340	—
Эрастфер	398	—	—	—	500	—

Несмотря на пробелы в приводимых данных, они ясно подтверждают стабильный характер крупных овцеводческих хозяйств. Это не значит, что рационально организованные овчарни не несли никаких потерь от превратностей погоды. Известно, что в 1845 г. от «мокрой погоды и дурных кормов» погибла $\frac{1}{4}$ или даже $\frac{1}{3}$ коренных стад Лифляндии²⁹. Однако правильная постановка овцеводства помогла «рациональным» овчарням быстро оправиться от потерь и избежать катастрофы. В этом состоит одно из основных отличий таких хозяйств от хозяйств экстенсивного типа.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, 1848, д. 47, л. 57.

²⁸ ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 4, 1857, д. 326 л. 26; 1859, д. 327, л. 22; 1861—1862, д. 329, лл. 41—42; ЦГИА Эст. ССР, ф. 1185, оп. 1, 1884, д. 634 (A. Blau. Die Schafzucht in den Baltischen Provinzen Russlands), л. 15; ЖМГИ, 1857, июнь, стр. 297; «Журнал для овцеводов», 1833, № 5, стр. 393—394; «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. VII, ч. 2, стр. 388; «Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft», N. F., 1861, Bd. 14, N. 3, S. 194—196. Прочерки в таблице означают отсутствие сведений.

²⁹ ЦГИА, Эст. ССР, ф. 291, оп. 1, 1845, д. 8429, л. 10.

Именно поэтому в 1841—1845 гг. сокращение мериносового овцеводства произошло прежде всего за счет гибели мелких стад или невосстановимого сокращения поголовья в них. Неблагоприятные климатические условия этих лет способствовали развитию уже существовавшей тенденции к росту удельного веса крупных овцеводческих ферм. В 1832 г. только в двух овчарнях, составлявших 6,24% от всего количества овчарен в губернии, размер стада превышал 1000 голов. В 1841 г. крупные овчарни составляли уже минимум 13%, а в 1860 г. 50% всех стад. В 1832 г. средняя величина стада составляла 400—500 голов, в 1841 — 700—750, а в 1860 г.— уже 1000—1100 голов³⁰. Таким образом, крах большей части овцеводческих начинаний в 1841—1845 гг. объясняется в первую очередь причинами внутреннего порядка, связанными с трудностями перехода от феодальной системы хозяйства к капиталистической. Преодолев препятствия по закупке овец, их транспортировке, постройке зданий и т. п., многие помещики попадали в заколдованный круг внутривладельческих трудностей, разрешить которые они оказывались не в силах. Рациональное животноводческое хозяйство было гораздо более трудоемко и требовало более высокой производительности труда, чем зерновое трехпольное хозяйство. Поэтому оно в конечном счете было невозможно без отказа не только от трехполья, но и от барщины, т. е. было связано с преобразованием всей экономики поместья. Поскольку это происходило, постольку успешно развивалось овцеводство, постольку совершалось перерастание простого товарного хозяйства в капиталистическое. Там же, где этого не происходило, попытки вести товарное хозяйство феодальными методами приводили к «овцеводческому» кризису.

Если кризис 1841 г. был проявлением противоречий, заложенных в самом мызном хозяйстве, то свертывание овцеводства, как ведущей отрасли дворянского хозяйства, а потом и его ликвидация произошли под воздействием причин чисто внешнего по отношению к дворянскому поместью порядка. По мере того, как овцеводство в других странах мира, да и на юге России, делало успехи, ливляндским овцеводам из-за сравнительно высоких издержек производства становилось все труднее выгодно реализовывать свою продукцию. Надо заметить, что вплоть до конца 40-х годов хорошая организация овцеводства позволяла ливляндским овчарням получать доходы едва ли не выше доходов южнорусских овчарен, хотя на юге овцы около 8 месяцев в году находились на подножном корму³¹.

С понижением мировых цен, вызванным мануфактурным кризисом в Англии, и появлением в 50-х годах на мировом рынке больших количеств дешевой шерсти из Австралии, Южной Америки и Ост-Индии, овцеводство становится все менее рентабельным и постепенно прекращается, его место занимает молочное животноводство.

Разведение мериносов, прямо или косвенно способствуя распространению рационального земледелия, проложило дорогу молочному животноводству, а оно, как мы увидим, продолжило «традиции» мериносового овцеводства. Так же, как в свое время падение цен на хлеб было толчком для специализации помещичьих хозяйств на мериносовом овцеводстве, так и теперь падение цен на шерсть дало толчок специализации на производстве продуктов молочного животноводства.

В конце XVIII в. и начале XIX в. молочное животноводство было наиболее запущенной отраслью помещичьего хозяйства. Это было не столько молочное, сколько «навозное» скотоводство, поставлявшее

³⁰ Данные о размерах стад на овцеводческих мызах Ливляндии в 1860 г. приведены в «Livl. Jahrb. d. Landwirtschaft», N. F., 1861, Bd. 14, H. 3, S. 194—196.

³¹ «Состояние тонкорунного овцеводства в России». ЖМГИ, 1841, кн. 3, ч. 2, стр. 258; J. Christiani. Die Schafzucht in den Ostseeprovinzen. «Inland», 1841, № 5, S. 67.

удобрения для полей. Местный рогатый скот был слаб и мелок. Удойность коров едва достигала 300—400 штофов (штоф=1,23 литра) в год, а вес не превышал 300—400 фунтов³². С развитием меринсового овцеводства, «когда для овец начали выбирать лучший корм, оставляя только дурной для скота молочного»³³, качество его еще больше ухудшилось. Продукты молочного животноводства удовлетворяли внутренние потребности поместья и лишь эпизодически появлялись на рынке. В 40-х годах положение на рынках начало меняться. Усиление с 30-х годов роста городов Прибалтики расширяло рынок сбыта продукции молочного животноводства. Развивающийся в сельском хозяйстве капитализм с 40-х годов находит свое призвание в молочном животноводстве. «Продуктивность скота получает здесь молочно-хозяйственное направление, и весь характер земледелия приспосабливается к тому, чтобы получить возможно большее количество возможно более ценных рыночных продуктов этого рода»³⁴.

Поскольку многополье уже существовало, неудивительно, что первый породистый молочный скот появился в тех поместьях, которые имели традиции по организации рационального земледелия, т. е. там, где была уже готовая земледельческая база. К сожалению, статистически охарактеризовать развитие молочного животноводства, как это было с овцеводством, по имеющимся у нас источникам, невозможно. Попробуем все же проследить общую тенденцию в развитии молочного животноводства и степень ее интенсивности.

Инициаторами разведения высокопродуктивного молочного скота в Лифляндии были Лифляндское экономическое общество и некоторые владельцы по-новому организованных хозяйств. Местная порода рогатого скота была настолько запущена, что, особенно на первых порах, большинство животноводов для улучшения стад прибегало к иностранному племенному скоту. В 1832 г. Лифляндское экономическое общество и дворянский овцеводческий комитет закупили в Германии партию фохтляндского скота, который был размещен сперва в Трикатене, а потом переведен на другую дворянскую мызу — в Торгель³⁵. Стадо удачно акклиматизировалось и в 1841 г. насчитывало 70 голов. По сообщению секретаря Лифляндского экономического общества, в 1842 г. чистокровные фохтляндские стада имелись, кроме Торгеля, лишь на мызах Кораст и Менцен³⁶. Обычно лифляндские животноводы предпочитали стада смешанных и улучшенных туземных пород. В начавшихся с 40-х годов опытах по выведению лифляндской породы молочного скота большие заслуги принадлежат владельцу Зиггунда Банду и владельцу Фридрихсгофа Цуккербеккеру, уделявшим особое внимание скоту «домашнего расплода». Средняя удойность зиггундских коров в 50-х годах составляла 1100 штофов молока в год, а в фридрихсгофском стаде — 1500 штофов³⁷.

В 1845 г. А. Сиверс завез в Лифляндию новую породу коров — айрширскую³⁸. Животные были размещены на мызе Альт-Кустгоф, которая являлась одним из самых старых центров лифляндского рационального хозяйства: ее поля обрабатывались по двенадцатипольной системе, производились мелиорационные работы, содержалось большое стадо меринсов. Неудивительно, что в 50-х годах альткустгофское стадо числилось среди лучших в губернии. Средний годовой удой

³² ЦГИА Эст. ССР, ф. 1185, оп. 1, 1913, д. 1177, л. 4.

³³ Ф. Веймарн. Материалы..., стр. 387.

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 222.

³⁵ «Unsere Rindviehzucht», рукопись, хранящаяся в ЦГИА Эст. ССР, ф. 1185, оп. 1, 1913, д. 1177, л. 5.

³⁶ ЦГИА Эст. ССР, ф. 1185, оп. 1, 1913—1917, д. 1179, л. 94.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, 1844, д. 50, л. 70; 1848, д. 47, лл. 56—57; ЦГИА Эст. ССР, ф. 1185, оп. 1, 1913—1917, д. 1179, лл. 91, 93.

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, 1847, д. 45, л. 48.

равнялся 1470 штофам³⁹. Пример Сиверса побудил Лифляндское экономическое общество в 1849 г. выписать из Шотландии стадо из 42 коров и 4 быков. Скот был отдан на мызы Ропкой и Лизон с уплатою ежегодно 3% капитала в течение 16 лет. Стада должны были давать только чистую породу. Одновременно помещики фон Липгарт и орднунгсрихтер Гельмерсен выписали для своих мыз из Шотландии каждый по одной корове и одному быку⁴⁰. По существу это были первые шаги молочного торгового животноводства в Лифляндии.

Итак, в 30—40-х годах XIX в. молочный скот разводился почти исключительно на мызах, где рациональное хозяйство уже существовало. На этих мызах приспособление к новым требованиям рынка протекало несравненно легче, чем там, где сохранилась экстенсивная система, глубоко враждебная всяким преобразованиям. Поэтому можно считать, что молочное животноводство в начальный период своего развития не столько способствовало расширению сферы действия рациональной системы, перенесению ее в новые хозяйства, сколько «углублению» этой системы там, где она уже существовала.

Иначе обстояло дело в 50-х годах. С этого времени помещичье животноводство характеризуется все большим развитием молочного направления и технической обработки молока, в связи с чем происходило расширение сферы действия рациональной системы хозяйства. Дальнейшее распространение улучшений «по части скотоводства... посредством обильного и рационального кормления скота, тщательного содержания его и лучшего за ним ухода» стало отмечаться впервые в губернаторских отчетах с 1851 г.⁴¹

На протяжении 50-х годов скотоводство постепенно становится предметом «особенного внимания лифляндских сельских хозяев»⁴². В губернии получают повсеместное распространение как стада улучшенных туземных, так и смешанных пород. Из отрывочных данных, разбросанных по различным источникам, видно, что улучшением пород рогатого скота к концу 50-х годов занимались, по самым скромным подсчетам, на 64 мызах⁴³, в то время как в 40-х годах по всей Лифляндии в лучшем случае можно было насчитать десяток молочных ферм.

Обобщенные сведения, характеризующие размеры молочных стад, удоимость коров, живой вес животных, имеются у нас только для помещий, объединенных в Общество животноводов, являвшееся секцией Лифляндского экономического общества. Членами секции в 1858 г., по сообщению ее директора барона Майделя, состояли 36 владельцев молочных ферм. Размеры молочных стад на фермах общества колебались от 25 до 100 голов, в большинстве стад было 60—80 голов. На 33 мызах (о трех нет данных) в общей сложности содержалось 2140 голов рогатого скота⁴⁴.

Средняя удоимость по всем стадам была вдвое ниже высшей (в Альт-Кустгофе) и равнялась 700 штофам молока в год от одной коровы⁴⁵. Средний живой вес во всех 33 стадах составлял 603 фунта, а в лучших доходил до 850 фунтов. Эти цифры свидетельствуют о значительном прогрессе молочного животноводства. Средняя удоимость породистого скота была вдвое больше, чем высшая удоимость обык-

³⁹ «Земледельческая газета», 1835, № 34, стр. 265; ЦГИА Эст. ССР, ф. 1185, оп. 1, 1859, д. 337, л. 6.

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, 1850, д. 42, л. 108; ЦГИА Эст. ССР, ф. 1185, оп. 1, 1854—1855, д. 285; Ф. Веймарн. Материалы..., стр. 388.

⁴¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, 1852, д. 44, л. 49.

⁴² ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 4, 1855, д. 323, л. 89.

⁴³ Кроме указанных в связи с отдельными упоминавшимися мызами дел, хранящихся в фондах ЦГИАЛ, ЦГА Латв. ССР, ЦГИА Эст. ССР, см. ЦГИА Эст. ССР, ф. 1185, оп. 1, 1858, д. 325, л. 8; 1860, д. 349, л. 7.

⁴⁴ ЦГИА Эст. ССР, ф. 1185, оп. 1, 1858, д. 325, л. 8.

⁴⁵ ЦГИА Эст. ССР, ф. 1185, оп. 1, 1859, д. 337, л. 6.

новенного скота, а средний живой вес по крайней мере на $\frac{1}{3}$ выше максимального веса «не улучшенного» рогатого скота.

Повышение производительности молочного скота побуждало помещиков усовершенствовать техническую обработку молока, особенно в местах, удаленных от городов. Правда, в 50-х годах дворянство еще не может похвастаться сколько-нибудь значительными достижениями в этой области. Техническая переработка молока выглядела примитивно. Помещичье маслоделие и сыроварение пока находились в эмбриональном состоянии. Только в имениях Фридрихсгоф, Энзель и Лаймец, по сведениям губернаторского отчета за 1853 г., употреблялись «лучшие способы при изготовлении масла и сыра»⁴⁶. В 1851 г. из 5 известных нам маслобоен «губернского значения», скупавших молоко в имениях, только одна, в Вольмарском уезде, была дворянской. В 1851 г. она произвела продукции на 1050 руб. серебром, а в 1860 г.— на 1200 руб. серебром. На ней было занято 4 рабочих⁴⁷. Продукты молочного животноводства в основном сбывались на внутренних рынках: в остзейских городах (главным образом в Риге), в Петербурге, Москве, в Финляндии; частично они отправлялись и за границу, например в Англию и Германию.

В 50-х годах все нововведения в поместьях определялись развитием растущего молочного и гаснущего, но еще широко распространенного, мериносового овцеводства. Мериносовые овчарни постепенно вытесняются молочными фермами, хотя в некоторых овцеводческих поместьях овчарни буквально десятилетия сосуществовали с молочными стадами. Но такие «биотраслевые» поместья менее показательны, чем поместья, в которых уже к началу 60-х годов произошло полное переключение с овцеводства на молочное скотоводство.

Правильно поставленные молочные фермы, так же как и мериносовые овчарни, ломая неподвижность старого экстенсивно-зернового земледелия, коренным образом меняли экономическую структуру поместий, роль и место отдельных отраслей в хозяйственной системе в целом. Преобразованию подверглись не только отрасли, непосредственно связанные с новыми отраслями животноводства, но в той или иной степени все стороны помещичьего хозяйства. Помещичье хозяйство при этом «становится более односторонним, однобоким по сравнению с прежним, но зато в общем и целом оно становится неизмеримо более разносторонним и рациональным, чем патриархальное земледелие»⁴⁸.

До сих пор наше внимание было направлено на отрасли, получившие развитие после реформы 1819 г. и являвшиеся главными носителями капиталистической эволюции в дворянских мызах. Посмотрим теперь, в каком отношении к этой эволюции стояли некоторые другие отрасли дворянского хозяйства. Прежде всего интересно проследить роль винокурения.

Сужение рынка сбыта вина в 20-х годах, подорвав винокурение в Лифляндии, вместе с тем дало толчок его технической перестройке. Она происходила в двух направлениях: сырьевом и узко техническом. С этого времени в качестве сырья наряду с зерном все шире применяется картофель⁴⁹. Уже в 30-е годы больше половины вина гналось из картофеля (обычно в смеси с хлебом: чисто картофельная водка обладала неприятным вкусом)⁵⁰. Поэтому количество выкуриваемого вина часто колебалось в зависимости от урожая картофеля.

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, 1854, д. 38, лл. 23—24.

⁴⁷ «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. VII, ч. 2, стр. 424, 427, 429; Ф. Веймарн. Материалы..., стр. 430, 438, 439, 444, 445, 450, 451.

⁴⁸ Б. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 270.

⁴⁹ C. Hehn. Die Intensität der livländischen Landwirtschaft, Dorpat, 1958, S. 98.

⁵⁰ J. Johnson. Ueber den Branntweinsbrand und Branntweinsverkauf in Liv- und Curland. «Inland», 1836, № 53, S. 874.

Параллельно с переходом к картофельному винокурению начинается техническая перестройка винокурен. В 20-х годах Цуккербеккер установил в своей винокурне первый паровой котел⁵¹. С этого времени место «огневых» аппаратов постепенно занимают паровые. В 30-е годы еще в большей части Лифляндии курили вино старым способом. К 50-м годам винокурение «в губернии почти везде паровое»⁵².

Технические нововведения в винокурении не были так значительны, как в земледелии, потому что само винокурение, не находясь в непосредственной связи с развитием мериносового овцеводства и молочного скотоводства, стояло в стороне от столбовой дороги развития капитализма в помещичьем хозяйстве. Тем не менее техническая перестройка и здесь была неизбежна, ибо сохранение этого традиционного источника денежных поступлений, ставшего иссякать после падения цен на водку, было невозможно без использования достижений рационального производства.

Как распространение рационального животноводства и земледелия являлись показателями развития капитализма, так же сохранение в это время винокурения указывало на консервацию элементов феодализма, потому что винокурение давало возможность уйти от радикальной перестройки всего хозяйства путем использования отдельных достижений тогдашней агротехники для удешевления производства вина. В этом смысле винокурение было тормозом для развития рационального хозяйства. Однако по мере развития капитализма, винокурение, все больше перестраиваясь технически, само становится частью рационального производства. В 20—50-х годах это малозаметная тенденция, наблюдать которую можно в тех поместьях, где рационализация достигла высокой для того времени степени развития, а винокурение сохранялось как дополнительная статья денежных доходов⁵³.

При господстве переходных форм хозяйства в каждом отдельном поместье возможны были самые различные комбинации винокурения и рационального производства. Но в целом по губернии винокурение уже не определяет лицо мызного производства, несмотря на свою все еще повсеместную распространенность. Правда, к 40-м годам число винокурен в Лифляндии несколько убавилось по сравнению с 20—30-ми годами, когда количество винокурен переваливало за 600. В 40—50-х годах в среднем ежегодно работало 500 винокурен⁵⁴. На протяжении 40—50-х годов общее количество винокурен остается более или менее стабильным. Интересно, что губернаторские отчеты при этом отмечают случаи закрытия мелких винокурен из-за нерентабельности в связи с переходом к картофельному винокурению⁵⁵.

«Стеснение» винокурения в 40—50-х годах из-за недостатка сбыта за пределы губернии, почти не отразившись на количестве действовавших предприятий, привело к сокращении объема продукции по губернии в целом: с 1842 по 1860 г. она сократилась до $\frac{1}{3}$ ⁵⁶, что явилось результатом уменьшения продуктивности отдельных винокурен. Превращение винокурения в отрасль капиталистического сельского хозяйства приходится на вторую половину века и проявляется в небывалом росте товарности винокурен, гибели мелких заведений и максимальном вытеснении зерна картофелем, ставшим основным сырьем. Но о тор-

⁵¹ J. J e n š s. Kapitalistiskā manufaktura Vidzeme XVIII gadsimta beigās XIX gadsimta sākumā, Rīgā, 1951, 36 lpp.

⁵² «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. VII, ч. 2, стр. 415.

⁵³ Напр., в Эйзекюле, Кокенгаузене. J. J o h n s o n. Ueber den Branntweinsbrand... S. 875; ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, 1844, д. 50, л. 72; К н ю п ф е р. Отчет об агрономическом путешествии летом 1854 года по Витебской и Лифляндской губерниям. ЖМГИ, 1857, июль, стр. 296—298.

⁵⁴ См. Приложения к губернаторским отчетам за соответствующие годы.

⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, 1848, д. 47, л. 59.

⁵⁶ Ф. В е й м а р н. Материалы..., стр. 411.

мозаищем влияния винокурения на развитие рационального хозяйства даже в 40—50-е годы⁵⁷ следует говорить с известными ограничениями. По мере перехода к картофельному винокурению развитие винокурения не только все больше связывается с успехами многополья, но и постепенно начинает оказывать обратное влияние на развитие последнего, способствуя расширению посевов картофеля, что (не в такой, конечно, степени как в 70—90-х годах) ощущается уже во второй четверти XIX в.

Таким же древним, как винокурение, было использование отходов винокурения для скотоводства. Барденный откорм быков еще в XVIII в. имел исключительно товарное значение и вплоть до 40-х годов, когда появилось молочное интенсивное скотоводство, разведение рогатого скота для рынка носило «мясной» характер. Осенью помещики покупали у крестьян быков «на откармливание» зачастую за бесценок, потому что большинство крестьян из-за нехватки зимних кормов продавало их «себе в убыток». Скот откармливался в течение 4—5 месяцев, после чего отправлялся на продажу в Петербург, Псковскую и Витебскую губернии, а часть его продавалась на месте, в пределах Лифляндской губернии. Количество откармливаемого скота зависело от того, в каких размерах выкуривалось вино в том или ином году. Поэтому общее сокращение помещичьего винокурения во второй четверти XIX в. сузило «барденное» животноводство. Так же, как в винокурении, многополье было использовано и в барденном животноводстве: при откормке быков стали употреблять кроме винной и пивной барды, картофель, а местами и турнепс. Таким образом, рационализация проникала и в такие, казалось бы, глубоко феодальные отрасли, как винокурение и барденное скотоводство.

Каждый новый шаг рационального хозяйства был связан с дальнейшим преобразованием техники сельскохозяйственного производства, с повышением его производительности. Рациональная система, будучи приблизительно до середины 50-х годов достоянием одних только помещичьих хозяйств, при сохранении отработков неизбежно должна была прийти в противоречие с экстенсивной системой, господствовавшей в крестьянских хозяйствах: она требовала иной, чем экстенсивная система, материальной базы. При отработочной системе помещичье хозяйство, не имевшее собственного инвентаря и рабочего скота, находилось в зависимости от крестьянского хозяйства. Между тем, еще в первой четверти XIX в. плохое состояние крестьянского рабочего скота и инвентаря являлось препятствием для расширения простого товарного производства.

У крестьян на севере Лифляндии издавна получила распространение эстонская порода лошадей — клеперов, на юге она часто была смешана с допсель-клеперами. К XIX в. порода клеперов «почти совсем вывелась»⁵⁸, как от систематического недостатка корма, так и от слишком раннего употребления на полевых работах. Плохое состояние крестьянского скота имело «влияние на обработку мызной земли, при барщинных контрактах, еще большее нежели на крестьянскую, — большее потому, что крестьянин никогда не даст лучшей своей лошади своему батраку, идущему на господскую работу»⁵⁹. Упадок коневодства, ставший особенно заметным с 40—50 годов, начинает беспокоить дворянство. До второй половины 30-х годов губерния не имела ни

⁵⁷ О. Г. Ибиус в статье о спиртовой промышленности Эстонии на другом материале подтверждает наличие в северных уездах Лифляндии отмеченных выше для всей губернии стадий в развитии винокурения. O. I b i u s. Piiritustööstuse põllumalanduslikust tähtsusest eestis XVIII ja XIX sajandil. «Изв. АН Эст. ССР», т. VIII, серия обществ. наук, 1959, № 1, резюме, стр. 55.

⁵⁸ ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 4, 1861—1862, д. 329, л. 42.

⁵⁹ Ф. Веймарн. Материалы..., стр. 361.

одного конного завода. Учреждение в конце 30-х и первой половине 40-х годов частных заводов на мызах Кастер, Терваст, Вастемойзе, Ней Вайдома, Эйзекуль и Абия⁶⁰ не оказало влияния на дальнейшее развитие коневодства в губернии. Все эти заводы отличались небольшими размерами, продукция их имела ограниченный рынок сбыта, либо потому, что это были нерабочие лошади (например, каретные в Кастере), либо из-за дороговизны. В 1847 г. дворянство учреждает специальный Комитет коннозаводства, который обратил особое внимание на улучшение крестьянских лошадей. Были введены ежегодные беговые и возовые испытания крестьянских лошадей с раздачей премий, после которых устраивалась аукционная продажа лошадей⁶¹.

Эти усилия стали приносить практические результаты во второй половине XIX в. по мере появления крестьянских капиталистически организованных хозяйств, вводивших у себя рациональную систему, и мызных батрачных хозяйств со своим рабочим скотом и инвентарем. Вместе с тем такого рода попытки отражают обострившуюся уже в 40—50-х годах потребность в улучшении тягловой силы, которая стала особенно настоятельной с переходом к более совершенным земледельческим орудиям.

В этот период рационализация в различных отраслях мызного хозяйства дошла до такой степени, когда дальнейший агротехнический прогресс все больше зависел от применения машин и усовершенствования старых ручных орудий.

Естественно, что в связи с распространением многополья помещиков особо интересовали операции по обработке почвы. Старые деревянные сохи и плуги не были приспособлены для вспашки клеверных и картофельных полей. В имениях появилось множество образцов самых различных, преимущественно иностранных, плугов и борон. На сельскохозяйственную выставку 1857 г. в Дерпте только барон Врангель прислал семь иностранных плугов. Несколько образцов германских плугов было привезено бароном Брюйнингом. На выставке экспонировались и местные плуги, изготовленные крестьянами-кузнецами большей частью по иностранным образцам. Некоторые из этих плугов тут же подвергались испытаниям⁶².

С тех пор как картофелем занял место в севообороте, для приготовления пашни под его посевы вместо мотыги многие помещики стали употреблять «особый плуг с двумя отвалами, называемый распашником»⁶³. Наибольшее признание из всех вновь появившихся видов плугов получили брабантские и «Шверцовы» плуги⁶⁴. Новая техника нашла применение и в других областях земледелия. Для уборки хлеба некоторые помещики употребляли косы иностранных образцов. Наряду с машинами для сеяния и молотбы с середины 50-х годов распространяются до этого мало известные жнейки⁶⁵. Особенно широко начали применяться молотилки. Первые молотильные машины были завезены в Лифляндию в конце XVIII в. из Англии, Германии, Швеции. Несмотря на то, что эти машины повышали производительность труда раз в 10, прививались они туго. Больше того, в начале XIX в. даже Лифляндское экономическое общество начало пропагандировать уже практиковавшуюся во многих имениях замену молотилок усовершен-

⁶⁰ ЦГИА Эст. ССР, ф. 291, оп. 1, 1833, д. 5620, л. 4; 1844—1849, д. 8196, «О коннозаводстве в Остзейских губерниях», лл. 14, 92.

⁶¹ ЦГИА Эст. ССР, ф. 291, оп. 1, 1844—1849, д. 8196, лл. 135, 174.

⁶² «Описание выставки сельских произведений в Дерпте. в 1857 г.». ЖМГИ, 1858, ч. 67, отд. 1, стр. 107.

⁶³ К. фон Майдель. Приготовление пашен. «Земледельческая газета», 1835, № 62, стр. 493.

⁶⁴ С. Нейп. Die Intensität..., S. 86.

⁶⁵ H. Strod's. Latviesu amatnieki-labības pļāvēju konstruktori XIX gs. pirmajā pusē. «Изв. АН Латв. ССР», 1955, № 3, 141—142 лрр.

ствованными молотильными катками. Главным мотивом для этого являлась простота и надежность катков в употреблении и возможность изготовления их собственными средствами⁶⁶.

Однако втягивание лифляндских поместий в товарно-денежные отношения делало снижение стоимости производства зерна и сокращение затрачиваемого на него времени экономически необходимым. Поэтому упорные попытки создания машин, которые могли бы успешно применяться при сохранении барщинной системы производственных отношений, не прекращались. Результатом этого было то, что конструктивные изменения, вносимые в иностранные модели местными механиками, шли по линии упрощения самой конструкции и замены железных деталей деревянными⁶⁷. Фактически приспособление новой западной техники к местным условиям являлось техническим регрессом, а созданные доморощенные машины, обладая, как правило, более низкой, чем прототип, производительностью, не решали проблемы.

Перелом в применении сельскохозяйственных машин наступал по мере замены отработков наймом. Большую роль также сыграло появление в России, в том числе в Риге, заводов, изготовлявших сельскохозяйственные машины (заводы Геккера, Вермана, Тилло). На заседании Лифляндского экономического общества в январе 1861 г. сообщалось, что Лифляндия по применению молотилок начала догонять передовые западноевропейские страны⁶⁸. К 1863 г. в Лифляндском сельском хозяйстве было занято 310 молотилок. Большинство (217) приводились в движение лошадьми, 35 работали силой воды, 29 — на ручном труде и столько же молотилок было с паровыми двигателями⁶⁹. Распространение паровых двигателей, появившихся в Лифляндии вскоре после всемирной выставки 1851 г. в Лондоне, сыграло существенную роль в росте производительности земледельческого труда.

Опыты обработки сельскохозяйственных продуктов при помощи машин производились не только с хлебными, но и с незерновыми культурами. Применение машины охватывает самые различные операции по производству земледельческих продуктов. Появились «картофелемялки», «картофелемойки», плуги для окучивания картофеля, картофелеуборочные машины, машины для сечки репы и свеклы. Особо следует отметить распространение машинной обработки одной из самых трудоемких технических культур — льна. В 1842 г. были выписаны из Франции машины Гарнье для мятья и трепания льна, но опыты, произведенные в Риге, Дерпте, Пскове, Ярославле, не имели особого успеха⁷⁰. В это же время в остзейских губерниях появились первые бельгийские льномяльные и льнотрепальные машины, изготовлявшиеся на заводе Вермана. Несмотря на дороговизну машин, машинная обработка льна стала все больше распространяться в поместьях, причем в обиход входили не только иностранные модели, но и местные (например, машины конструкции веросского мастера Бломерика).

Рассматривая отдельные отрасли помещичьего хозяйства, мы обошли молчанием культуру льна. Дело в том, что лен, возделывавшийся по всей Лифляндии, типичен не столько для помещичьих хозяйств,

⁶⁶ H. Strods. No kuģmasīnu konstruēšanas un ieviešanas vēstures. Latvija XVIII gs. beigās un XIX gs. pirmajā pusē. «Vēstures problēmas», II, Rīga, 1958, 141, 142, 144., 146 lpp.

⁶⁷ Одна из улучшенных таким способом шотландских молотилок получила по рекомендации секретаря Лифляндского экономического общества Лёвнисса довольно широкое распространение в 40-х годах. («Livl. Jahrb. d. Landwirtschaft», N. F., 1838, Bd. 1, H. 2, S. 1—3).

⁶⁸ Там же, 1861, Bd. 14, H. 4, S. 12—13.

⁶⁹ Fr. v. Jung-Stilling. Material zu einer allgemeinen Statistik Livland's und Oesel's, 1864, Riga, S. 220—223.

⁷⁰ «Исследования о состоянии льняной промышленности в России», ч. I, СПб., 1847, стр. 22.

сколько для крестьянских. Большая трудоемкость льна являлась одной из главных причин непопулярности льноводства среди дворянства в период господства экстенсивной системы ведения хозяйства и барщины. После отмены крепостного права в 1819 г. начинается значительный прогресс торгового льноводства, захвативший частично и дворянские хозяйства. Развитию торгового льноводства на мызах способствовало распространение многополья и введение технических усовершенствований, снизивших затраты рабочего времени на производство льна.

Таким образом, в конце 50-х годов, как отмечает губернаторский отчет, в подавляющем большинстве «более значительных имений Лифляндской губернии находились разные земледельческие машины»⁷¹. Несмотря на все увеличивающееся их применение, машины и усовершенствованные орудия во всех мызных хозяйствах занимали еще подчиненное по отношению к старым рутинным орудиям место. Даже в передовых имениях, концентрировавших основную массу машин и улучшенных орудий, земледельческие работы в основном производились старым инвентарем.

Истощенность крестьянского рабочего скота и сохранение отработок делали процесс механизации и улучшения орудий вялым и ограничивали его рамками помещичьих хозяйств. Слабые крестьянские лошади были не в состоянии тащить утяжеленные новые орудия, а у крестьян отсутствовала заинтересованность в повышении качества работ. В середине века почти так же широко, как в начале, был распространен примитивный инвентарь, изготовленный либо крестьянином, либо деревенским кузнецом. Несмотря на это, обработка полей далеко превосходила ту обработку, которой можно было бы ожидать при несовершенных орудиях, употреблявшихся в губернии⁷². Сравнительно высокое качество обработки полей достигалось усилением старых феодальных форм эксплуатации крестьянства и мобилизацией всех возможностей экстенсивной системы. Многократная пахота, многократное боронование под наблюдением старосты давали в конце концов нужный результат⁷³.

* * *

Итак, за 30-летие, последовавшее после отмены крепостного права в 1819 г., в экономике лифляндских поместий происходит ряд существенных изменений, содержанием которых был переход от экстенсивного хозяйства к интенсивному, рациональному. Экстенсивная система на определенной ступени развития товарных отношений обнаружила свою неспособность служить базой этого развития, так как «созданная капитализмом конкуренция и зависимость земледельца от мирового рынка сделали преобразование техники необходимостью, и падение цен на хлеб особенно обострило эту необходимость»⁷⁴.

Реорганизация дворянских поместий началась с создания совершенно новой отрасли помещичьего хозяйства — мериносового овцеводства, непременным условием существования и роста которой была перестройка всего хозяйства на рациональных основаниях. Специализация на мериносовом овцеводстве являлась для большинства поместий исходным моментом процесса преобразования их из феодальных в юнкерские. Капиталистический характер этой специализации иллюстрируется, в частности, связанным с ней агротехническим прогрессом.

⁷¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 4, 1861—1862, д. 329, л. 35.

⁷² Ф. Веймарн. Материалы..., стр. 363.

⁷³ С. Нейн. Die Intensität..., S. 85.

⁷⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 192.

В этом главная особенность, отличающая капиталистическую специализацию вообще от «феодальной» специализации, которую нельзя назвать специализацией в точном смысле этого слова, так как подчинение, приспособление всего хозяйства к его главной торговой отрасли вело лишь к чисто количественным изменениям, не менявшим способа ведения хозяйства, его типа. Развитие винокурения в конце XVIII и начале XIX в. дает классический пример «феодальной» специализации. Если капиталистическая специализация означала создание новых производительных сил, а потом и производственных отношений, то феодальная воспроизводила рутинную агротехнику и феодальные производственные отношения.

К концу 50-х годов место мериносового овцеводства постепенно занимает молочное животноводство. То, что один и тот же процесс капиталистической эволюции мыз последовательно воплощался сперва в специализации в области мериносового овцеводства, а потом в области молочного животноводства, а не в каких-то иных отраслях, происходило прежде всего под влиянием требований рынка.

Агротехнический прогресс, постепенно захватывая все большее количество отраслей и хозяйственных операций, выражался преимущественно в переходе к новым системам полеводства, во внедрении новых культур, в развитии интенсивного животноводства. Употребление усовершенствованных орудий и машин носило ограниченный характер. Основная масса новой техники, естественно, концентрировалась в наиболее передовых имениях. Небольшое количество усовершенствованных орудий и машин, использовавшихся в поместьях, применялось, как констатирует губернаторский отчет, с «очевидною для помещиков пользою».

Агротехнический прогресс 40—50-х годов отличался устойчивостью: постепенно расширяясь и углубляясь, он был одним из элементов складывания капиталистического производства.

К концу 50-х годов рациональная система в той или иной форме, в той или иной степени стала достоянием подавляющей части поместий. Лифляндский гражданский губернатор в отчете за 1860 г. писал, что сельское хозяйство «в продолжении последних десяти лет в Лифляндской губернии оказало большие успехи и совершенно изменилось распространением почти по всей губернии разведения кормовых трав и вообще введением плодопеременного хозяйства, которое, основываясь на рациональных началах, в короткое время довело до существенных улучшений как по части хлебопашества, так и по части овцеводства, скотоводства и коннозаводства, и по другим отраслям сельского хозяйства... В минувшем году во всех почти более значительных имениях Лифляндской губернии находились разные земледельческие машины»⁷⁵.

Современники, сравнивая сельское хозяйство остзейских губерний и Лифляндии в том числе с сельским хозяйством внутренних губерний России, отмечают высокий уровень его развития. Многопольное земледелие, кроме остзейских губерний, имело место лишь в Польше, некоторых западных губерниях (например, в Ковенской) и в отдельных больших великорусских имениях. Следствием повсеместного существования в дворянских поместьях многополья было то, что Остзейские губернии по урожайности резко отличались от окружающих губерний и по производительности своих полей стояли наряду с черноземной полосой России.

Однако, несмотря на распространенность рациональной системы, степень перехода от рутинных приемов к новым в каждом отдельно взятом имении была различна. Даже в наиболее передовых поместьях рационализация не охватывала всех отраслей, всех хозяйственных работ. Для дворянских мыз этого периода типично сочетание рациональ-

⁷⁵ ЦГА Латв. ССР, ф. 1, оп. 4, 1861—1862, д. 329, лл. 34—35.

ной и экстенсивной систем хозяйства, причем в ходе экономической эволюции последняя очень постепенно, но неуклонно вытеснялась первой. Охватив к середине XIX в. подавляющую часть дворянских мыз, рациональная система одновременно выходит за границы мызных земель и теряет свой исключительно дворянский характер.

